

Евгений ЛАРИН

Отрывок из поэмы «Девушка в шинели»

2.
...А шел в России горемычной,
Подняв на битву весь народ,
Суровый, грозный и трагичный
Сорок второй, военный, год.
Война была на Волге, рядом,
Не за лесами и горой.
Лицом к лицу под Сталинградом
Страна сражалась с немчурой.

Вторую осень продолжалась
С фашистской нечистой войной.
Страна трудилась и сражалась,
Страна врагу сопротивлялась
И, забывая про усталость,
Мужала воински страна.
Она все силы напрягала
В бою жестоком и святом.
Для всей державы Волга стала
Непробиваемым щитом.

Тогда ломила сила силу
На каждом волжском «пяточке».
И чья возьмет - неясно было,
Висело все на волоске.
Но не терял народ наш веру,
Переживая все остро...
И начала урок свой Вера
Со сводки Совинформбюро.

3.
Всего три месяца учила
Вихрастых юношей она.
Всех развела и разлучила
Не утихавшая война.
Парнишек в армию призвали,

Кто ехал в Омск, кто на Урал,
И со слезами провожали
Их всею школой на вокзал.

И Вера как осиротела
Без этих стриженных ребят.
Полкласса сразу опустело -
Одни лишь девочки сидят.
А их товарищи в семнадцать
Пойдут не нынче - завтра в бой
За нашу Родину сражаться
С фашистской черною ордой.

Ребята эти молодые
Не доросли и до солдат.
Да им ли в годы зоревые
Винтовку брать и автомат?!
Им бы учиться в институтах
И выбирать грядущий путь,
Но их дороги очень круто
Война решила повернуть.

4.
И Вере не было покоя -
Все думы только о войне:
«О, что же сделать мне такое,
Чтоб не остаться в стороне?
Душа горит и нет терпенья!
Так что же все же предпринять?
А если... Если заявленье
В военкомат и мне подать?
Подруги Тося и Мария
Давно на линии огня.
Ну что ж, подружки дорогие,
До встречи. Ждите и меня.
И я по вашему примеру
Шинель надену иль бушлат...»

В УЛЬЯНОВСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

В начале марта 2013г. состоялось отчетно-выборное собрание Ульяновского регионального отделения Союза писателей России, на котором присутствовала делегация писателей из Димитровграда. На повестку дня было вынесено несколько вопросов: отчет о проделанной за год работе, выборы председателя УРО СПР и планы на 2013 год. На пост председателя были предложены кандидатуры Николая Марянина и

Виктора Малахова, но большинством голосов на очередной срок вновь избрана Ольга Шейпак.

Ольга Георгиевна поделилась планами на 2013 год. Главная идея писателей – начать сбор материалов по экспозиции XX века (Николай Благов, Григорий Коновалов и др.), поскольку в литературном музее широко представлено творчество писателей XIX и первой половины XX веков, а послевоенный период оказался литературной тер-

ра инкогнита. Жена Николая Благова Ляля Ибрагимовна согласна передать в музей семейный архив. Кроме переписки с собратьями по перу в экспозицию попадут и личные вещи поэта.

В планах УРО СПР сотрудничество с Союзом писателей Татарстана, поездки на форумы и семинары с целью обмена опытом; выступление писателей, представляющих Ульяновскую область, в Центральном доме литераторов в Москве.

МНЕНИЕ

ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ

Как известно, Дина Рубина, проживающая в Израиле, проявила инициативу в проекте, который должен был оказать поддержку русскому языку. В основу проекта заложен всемирный «Тотальный диктант», который писали жители Земли 6 апреля.

Областное руководство решило вместо текста Дины Рубиной включить в диктант текст Василия Пескова об Аркадии Пластове, вполне соответствующий по духу жителям нашей области, интересный своей структурой в плане проверки на грамотность.

Как сообщало радио «Эхо Москвы», СПР поддержал Ульяновскую область.

Но, по той же причине, исключено наше областное участие в проекте, хотя акция состоялась в Губернаторском дворце. Зал был полон участниками Тотального диктанта. Жителями области поддержка русскому языку оказана. А руководителями проекта - зарезана. Но, думаю, главной поддержкой русскому языку была бы инициатива области не сокращать количество уроков литературы и русского языка в школах, что имело место в этом учебном году.

Частное мнение А. БЕЛОВОЙ,
участницы Тотального диктанта

Волей судьбы в редакцию литературного приложения «СЛОВО» после многолетних скитаний по инстанциям попала папка с произведениями Галии Халиуловой. Галия Самигулловна (в девичестве Имангулова) родилась в с. Сабакаево, в 1974 г. окончила Рязановский сельхозтехникум, вышла замуж и переехала в г. Куляб, Таджикистан. С 1994 г. Галия - внештатный корреспондент газеты «Кулябская правда». Будучи военнослужащей таджикских погранвойск, писала о жизни и службе солдат двух армий, о войне, о наших земляках, стоявших на таджико-афганской границе. С 2000 г. первые опыты в прозе и поэзии получили признание в газетах «Знамя труда» (Димитровград), «Красная звезда (Москва). Сюжеты о писательнице и журналистке прошли на радио и ТВ Куляба и Душанбе. Галия принимала участие в съемках фильма о гражданской войне 1992 г. «Каменный ангел». Песни на ее стихи занимали первые строчки на фестивалях армейских песен в Екатеринбурге, Луганске, Душанбе. В 2005 г. она стала финалисткой конкурса «Добрая песня», инициированного Первым каналом ТВ РФ и Игорем Николаевым. С 2005 г., получив высшее образование на факультете русской филологии, обучает русскому языку таджикских детей, занимается вопросами культуры, ветеранов. Мы ознакомились с многогранным творчеством нашей землячки и написали на электронный адрес, указанный в приложенном к работам письме, но, к сожалению, ответа до сих пор не получили. Надеемся, что в жизни Галии Самигулловны все благополучно и представляем один из ее рассказов о детстве

ДЕДУШКА АБДУЛЛА

Около дома остановилась лошадь, запряженная в телегу. Я увидела через дверь, открытую на крыльцо - как раз мыла полы. Дедушка Абдулла в своей шляпе был похож на сказочника.

- Хозяйка, Надия, старое тряпье есть на сдачу? - крикнул он, глядя в сторону открытых дверей.

- Абдулла-бабай, мамы дома нет. Она пошла в лаву. А дедушка далеко, у бани.

- У вас в доме есть старые тряпки?

- Нет. Если что-нибудь порвется, то мама зашивает или ставит заплатку. А из старых-старых рваных вещей мама нам делает тряпки для мытья полов.

- Значит, для меня у вас ничего нет. А шкуры есть от коз, баранов?

- Для вас нет. Одна черная шкура лежит на сундуке у дедушки, а другая, маленькая, на табуретке, чтобы было мягко сидеть. Они нам самим нужны.

- А кости есть, собрали?

- Нет еще.

- Ну вот, соберите кости, потом приходите ко мне домой. Я за них дам вам куколки, тетрадки, мячики.

- Бабай, зачем вам все это?

- Это не мне надо. Я собираю все, отвожу в город Мелекес, там сдаю: тряпки на прядильную фабрику, из костей делают мыло, из кожи

- сандалии, сапоги, туфли. Ну ладно, пойду собирать дальше. Завтра приходите с костями.

На следующий день я, Рауза с белыми косичками, моя подружка, сосед Рафик, мой братишка Раис пошли по огородам собирать кости от животных. У каждого в руке ведро и палка. Была весна, земля мокрая. Утопали в черно-земле чуть не до колен, копались в кучках навоза, которые были свезены санками еще зимой по снегу для удобрения, перелазили через деревянные изгороди, здоровались с хозяевами на задворках. Я и Рауза одновременно еще собирали в карманы осколки от разбитых чашек и тарелок: с ними играли в игру «дом».

Особенно красивые осколки с блестящими золотыми цветочками были у бабушки Кафии в огороде. Через семьдесят дворов мы собрали по полному ведру. Уставшие, грязные, постучались в дом к дедушке, что был рядом. Он обрадовался, с улыбкой нас принял, открыл ключом большой амбарный замок. В сарае на прилавке, в углах, были разложены товары: разноцветные воздушные шары, стеклянные маленькие бусы, сережки, брошки, значки из железа, тетради в линейку и в клетку по две копейки, альбом, карандаши, ручки с перьями и с белыми, в цветочках чернильницами, куклы резиновые из разных сказок, литье, с недвигающимися ру-

ками и ногами, железные маленькие машинки, мячики резиновые, глиняные свистульки (птички, животные), дудочки, гребешки, пуговицы, булавки, иголки, резинки для чулок и трусов, ленты атласные для бантиков... Чего только не было! У нас загорелись глаза от увиденной красоты!

- Абдулла-бабай, можно, я возьму вот этот мячик и куклу вот эту, в сарафане? - спросила Рауза.

Дед взвесил на безмене ведро с костями, записал, посчитал на деревянных счетах и сказал, что надо будет отдать еще пять копеек.

- Дедушка, я завтра попрошу у мамы и принесу.

- Ладно, я записываю в тетрадку. Завтра жду.

Рафику достались машинка и свистулька, я взяла две атласные ленточки и куклолку, резиновую голяшку, а братишку попросила, чтобы он взял альбом и тетрадки. Я любила рисовать и писать. Он неохотно согласился, сказав, что соберет еще костей и купит то, что захочет сам. Шли по улице с пустыми ведрами, свистя по очереди в свистульку, радуясь игрушкам. Потом мальчишки пошли по домам, а я и Рауза после разговора с мамой и с бабушкой Алмакай, которую мы, дети, любили за доброту, сели на бревна около их малюсенького домика и стали рассматривать новые игрушки.

Договорились, что скоро еще пойдем собирать кости, только по улице, потому что

в огородах очень грязно. В это время в доме напротив Файзия-апа раскрыла настежь окно, раздвинула красивые белые занавесочки и вдруг полилась музыка: заиграл патефон, зазвучала татарская песня в исполнении Ильхама Шакирова, наполняя душу радостью.

Женщины, идущие мимо колодцу с ведрами и коромыслами, с улыбкой глядели в окна соседки, прислушивались к словам песни. В нашей окрестности патефоны были только у нее, у Румии, моей двоюродной сестренки, и у Нуржиян-апа, моей тети, что жила в самом крайнем домике, таком же малюсеньком, как у Раузы.

Шла весна, по улочке бежали маленькие ручейки, а в луже плескались утки и гуси. От музыки они перестали гоготать и кричать, наклонили свои головы с красными глазами и тетрадки. Я любила сменилась пластинка. Тетя выставила патефон на подоконник. Запела Алфия Алзадова, знаменитая певица. В домах пластинки из Казани берегли как зеницу ока и ставили их, когда приходили гости и в дни праздников.

До сих пор помню ту радость на улице, тот весенний солнечный день, даже запах талой воды, мокрой земли, радость от первых игрушек, купленных за ведра костей, о возможности рисовать в своем альбоме разные рисунки из книг.

**ЕЛИЗАВЕТА
ПАРФЕНОВА**

СТАЛИНГРАД

Здесь кровью вся земля
полита
Была почти сто лет назад,
Здесь множество атак отбито.
Как ты сражался, Сталинград!

Земля от взрывов бомб
стонала,
Дома пылали и поля,
Волной взрывною вырывало
Аллею заглохших тополей.

Враг был жесток
и беспощаден,
Все на пути своем громил,
Но как бы ни был
он коварен,
Солдат советский победил!

Но как болят людские раны...
Все меньше, меньше
тех солдат -
Уходят в небель ветераны.
За рядом ряд, за рядом ряд.

И на Мамаевом кургане,
Где вечным сном солдаты
спят,
Покой их мирный охраняя,
Теперь уж правнуки стоят.

**АЛЕВТИНА
ЗАЙЦЕВА**

ЧТОБ ВСТАЛА НА НОГИ СТРАНА

Когда мне было лет
тринадцать,
Возили классом нас в колхоз
В работу тяжкую впрягаться
В ряду со взрослыми, всерьез.

Уныло встретили домишки,
Соломой крытые ржаной.
Ни до веселья, ни до книжки,
Ни до одежды выходной.

Поля картошки угнетали
Понишкой бурой ботвой,
Мне, резвой пташке, плахой
стали,
С них шла с работы чуть
живой.

Казалось, нет конца той доли
И что сейчас я упаду,
Хотелось крикнуть на все поле:
«Нет сил работать, как в аду».

Но каждым утром силой
воли,
Надев белесый ватник свой,
В сапожках рваных
на то поле
Шагала я под ветра вой.

Откуда появлялась сила
И воля кем была дана?
Все испытанья выносила,
Чтоб встала на ноги страна.

**ВАЛЕНТИН
МАНУХИН**

Проросший сквозь бетон
цветок...
Село. Полянь. Овраг
глубокий.
Тропа, ведущая к избе.
И в споре сплетницы-сороки
На старой ветхой городье.

О, Русь моя... Ты схожа
с болью
Души израненной моей.
В беду и радость -
я с тобою,
Среди простых твоих людей.

Мне близок нрав прямой,
упрямый,
Жизнелюбивый твой исток
Как тот, живуч
и несгибаем,
Проросший сквозь бетон
цветок.

**АЛЕКСАНДР
ОСИПОВ**

УЛОЧКИ ДЕТСТВА

Эти упочки детства... Они
Неказистые, добрые, милые,
Доживают последние дни,
Зарастая репьем
и крапивою.

Гаснут вдовы в русской
тиши,
Терпят боль, как издревле
завещано.
Где сыны их? Вокруг
ни души.
Воронье только кружит
зловещее...

Добивает компьютерный век
Эти упочки в памяти
«лишние».
Уже выведен клон-человек
Из пробирки. Как вызов
Всевышнему.

ПОЛЫНОК

Полынок родных полей,
Горькой Родины моей,
В гараже меня встречает
В час веселья и печали:
То напомнит вдруг о маме
(Нет уже которой с нами),
То напомнит о сестрице
И почти забытых лицах,
С кем, бывало, босиком
Бегал я за польником.
Привезен он издалека
В день святой

Илья Пророка -
От заветного крыльца,
Еще знавшего отца...

Полынок родных полей,
Запах Родины моей,
Сладка горечь мне твоя.
Видно, болен чем-то я.

АЛЕКСАНДРА БЕЛОВА

ВАЛЕНТИНА
БЕСЕЛКОВА

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ НА ТУНГУСКЕ

АЛИК И УЙКА

Когда я вспоминаю этот эпизод моей жизни, то снова и снова удивляюсь, как тонко чувствуют северяне, эти дети природы, окружающий мир. И опять испытываю сложные чувства, от неловкости до восторга, в которые повергло меня знакомство с Уйкой.

Случилось как-то мне с семьей побывать в северных краях за тысячу километров на север от Красноярска. В середине августа мы прилетели в поселок Бор, что стоит на высоком берегу Енисея. Меня уже лихорадило в предвкушении рыбалки. Поэтому, не задерживаясь у родственников, мы с зятем сразу отбыли в деревню, что стоит на слиянии реки Подкаменной Тунгуски с Енисеем. Деревня называется так же, как и речка.

В Подкаменной мы со старшим сыном Егором загрузились у родни, как мне казалось, всем необходимым и отправились к реке, а жена с младшеньким остались в деревне.

Евгений, мой деверь, познакомил меня со своим другом и коллегой Аликом. Русоволосый, невысокого роста, с мягкой походкой много ходившего по лесам человека, Алик усадили нас в «казанку», и мы пошли по спокойной в этот день реке Тунгуске. Пока шли мимо Стрелки, разделяющей две реки, Алик рассказал, что он работает много лет лесником в Борском лесхозе. Приехал давно из Чувашии, прижился здесь, в суровых местах, женился на девушке из малой народности кетов. Привязался сердцем и к реке, и к простым радушным людям, проживающим здесь.

Алик с Евгением хорошо выпили перед дорогой и доверили мне руль «казанки». Наступала ночь, русла я не знал, но вида не подавал, что слегка растерян от легкомыслия моих сопровождающих. Несмотря на всю осторожность я все же сел на мель, за что был «накрыт» отборным матом и соответствующими сибирскими эпитетами.

— Надо того берега держаться! — наконец-то получил я необходимую в эту ночь информацию, но оправдываться не стал. Алик заменил шпонку, и я снова сел за руль.

Ранним утром мы прибыли в Суламай. Вытащив лодку на песок, поднялись на берег. Возле магазина толпились бомжи и низкорослые, худые, как подростки, кето.

Алик рассказал, что у кето нет защитного гена от спиртного и, согласно принятому постановлению по сохранению народа, им не продают водку. Но кето, обожая выпивку, давали деньги русским бомжам и пили с ними вместе. После первой половины стакана кето засыпал, свалившись тут же, а бомжи допивали спиртное.

Алик привел нас в свой дом, где с кучей детей управлялась маленькая хрупкая женщина с раскосыми глазами и черными прямыми волосами. Хозяин пожурил жену за то, что у нее

Были, рассказанные рыболовом с Черемшана — притока Волги

опять беспорядок, стаканы грязные. Жена недоуменно пожала плечами:

— Я мыла стаканы.

Мы узнали, что она работает в детском саду, воспитывает там своих и других детей. Выпив наскоро предложенный хозяйкой чай в «мытых» стаканах, мы снова спустились к реке.

Евгений вернулся в «казанку», а мы с Аликом и с Егором погрузили вещи в самодельную деревянную лодку с мотором, на винт которого была надета металлическая сетка. Я смекнул, что путешествие предстоит серьезное. У Алика в снаряжении было ружье, необходимое в таких вылазках. Как он сказал, всегда можно нарваться на медведя, «вполне предсказуемого» в своих действиях. Алик произнес:

— Иди вон туда за сопровождающим. Спросишь, где Уйка, там скажут.

Я пошел по тропе в гору. Задал свой вопрос встречному, он показал на вершину горы:

— Вон там спит.

Я поднялся еще выше. Там на солнцепеке, под ветром спало, свернувшись калачиком, маленькое худенькое существо. Видимо, здесь было меньше всего комаров. Я поднял его за одежду и понес, как кулек, на вытянутой руке, исподволь сознавая себя большим и сильным, по сравнению с этим человеком. Подошел к лодке.

— Этот?

— Этот, этот! Клади его. Я положил Уйку в лодку, он так и не проснулся. Я снова сел за руль.

Летний день на Тунгуске долгий. Лодка скользила по спокойной воде, в которой отражались то темные ели,

то каменистый или песчаный берег. Я уже более осторожно обходил мели и подводные камни. У Алика и Уйки похмелье еще не прошло, оба жаловались на голову, но я не дал им опохмелиться, хотя с мной был спирт. Сам я почти не пью и уж точно не опохмеляюсь, потому и не проникся. Хотя теперь, по прошествии многих лет, думаю, что был не прав. Вскоре они уснули. В полдень мы подошли к стоянке бригады лесозаготовителей. Я заглушил мотор. Проснулся Уйка. Подняв голову, он взглянул сначала на воду, потом на спиннинг и сказал:

— Здесь есть рыба. Вон там и вон там.

Я удивился. Сам-то я ничего не заметил, хотя считаюсь на Черемшане знатоком спортивной рыбалки, и, признаться, не поверил, что так можно чувствовать рыбу. Уйка покрутил в руках спиннинг, оценив, удовлетворенно хмыкнул, и закинул два раза. Без результата. Я, было, подумал, что рыбы нет. Когда в третий раз он забросил блесну, она едва коснулась воды. Тут же на нее попала рыба. Уйка решительно вытащил ее и бросил в лодку. Это был ленок, килограмма на полтора-два. Как сказал Алик, очень вкусная рыба с бледно-розовой или ярко-красной внутренностью. Понять можно, только разрезав. Уйка забросил блесну в другое место и снова вытащил такого же ленка.

— Больше нет рыбы, — уверенно констатировал он, оглядывая поверхность воды. Я, испытывая большое уважение к навыкам аборигена и уже не сомневался в его словах. Причалив к берегу, мы вышли из лодки. На берегу

— Здесь живет кореец, — сказал Уйка. — У него рыжая собака. Она не любит хозяина, потому что он с ней ходит по лесу, а потом съест. Собака это почему-то знает, — рассказал еще, что недавно тут медведь настиг одинокого кето. После долгой борьбы победил медведь и съел парня....

Порыбачив, прошли на лодке до Малой Дельтумы, впадающей в Большую. По дороге спутники показали нам место, где медведь догнал лося и задрал. Земля там была покрыта рваными клочьями и ямками от лап. На Малой Дельтуме нам удалось спокойно порыбачить. Алик был настороже с ружьем. Оказывается, его задача было уберечь нас от встречи с медведем. Ловились омуль, сиг и ленок. Мы с Егором не посрамили звания рыбаков, наловили довольно много рыбы. Как сказали местные рыбаки, здешний омуль крупнее байкальского. Донимала мошка, в самый ответственный момент лезла в глаза. Уйка научил меня, как спастись от нее. Он поджег кусок бересты. Потом потушил и засунул под кепку:

— На пятнадцать минут хватает. Мошка не лезет.

Мы усвоили и эту науку. Ночевать нас доставили на остров с обилием кустов, усыпанных красной смородиной.

Крупная смородина ярко горела в лучах заходящего солнца. И являла собой волшебное зрелище.

Еда, взятая с собой, кончилась, я взялся за сковородку в шкарбе Уйки, чтобы пожарить рыбу. Пришлось почистить ее от векового нагара.

— Ты испортил сковородку! — набросился на меня Уйка. Но за ужином забыл про порчу, накинувшись на еду и оценив мое поварское искусство. Мне было радостно.

Я вынул свой запас спиртного и стал угощать. Тут уж меня осыпали упреками оба провожатых. Уйка и Алик в голос кричали, что голова у них болела, а я мог полечить и не полечил. Успокоившись, довольный напитком, Уйка рассказал, что он работал в одном из поселков в администрации. Как у начальника, у него были все удобства. Но такая жизнь, «в неволе», ему не понравилась, и он ушел. Алик сказал, что кето, хоть и малорослые, но очень выносливые и работающие люди. Толку от них больше, чем от наших больших мужиков.

Напитавшись духом диких мест и простыми отношениями этих бывалых искренившихся людей, мы возвратились молча. Уйка что-то тихо напевал, смешивая свои напевы с русскими. Алик улыбаясь, поглядывая по сторонам.

Прощаясь на берегу, исполненный благодарности, я подарил Уйке свой свитер. Он сразу примерил и «утонул» в нем. Мы весело рассмеялись, глядя, как Уйка расправляет одежду на коленях.

— Зато будет тепло. Все закрыто, — невозмутимость его была так же естественна, как и все, что в нем было, и все, что окружало его.

ПАСХАЛЬНОЕ

На окошко села птичка,
Видно, весть мне
принесла.
Быстрокрылая певичка
Мне напомнила: весна!

Хватит нежиться
в постели.
Дней весенних хоровод.
А на будущей неделе
Пасха светлая придет.

С колокольным
перезвоном
И с молитвой на устах,
С благодарственным
поклоном,
С нежным трепетом
на устах.

РУБИКОН

«Проходит все, пройдет
и это», —
Изрек премудрый
Соломон.
Все стерпит древняя
планета,
Пока не пройден
Рубикон.
Бездумно действуют
земляне
И пилят, рубят
стержень-сук,
Однажды сгинут
в урагане,
Сомкнув бездумных
действий круг.
Но время есть, пора
очнуться
И осознать, что рядом
край.
Не в прошлое свое
вернуться,
А сохранить земной
наш рай.

**ПОЛИНА
АЛЕКСАНОВА,
13 лет,
ученица
7 класса
многопрофильного
лицея**

ЧЕРЕМШАН

Много рек в России —
Малых и больших.
Все они красивы,
Все так хороши.
У меня ж любимая —
Речка Черемшан,
Гладь неповторимая,
Радость горожан.

Берега как в сказке —
Зелень да пески,
Белые березки,
Ивы и дубки.
Весело кружится
Хоровод лесной,
И на ветках птицы
Звонкою гурьбой.

Отражает солнце
Днем в реке лучи,
Темной ночью — звезды.
И вода журчит.
Хороводы водят
Вдоль реки цветы.
Красоту такую
Любим я и ты.

А бывает, речку
Кутает туман,
Как влюбленный вечно
В речку Черемшан.
И в фату окутана,
Таинства полна,
Все мечтает будто бы
О любви она.

Подхожу я к речке,
Тихо прошепчу:
«Ты моя подружка,
Все тебе скажу».
Подарю ей песню —
Речка зажурчит,
Ласково и весело
Отблагодарит.

Александр ОСИПОВ

МИЛУШКА

(из семейной хроники)

- Ну, Тонюшка, сердись не сердись, а я скажу. Хорош был твой Васенька, нечего сказать, хорош. А все-таки Витенька получше будет.

Мать расцветала в довольной улыбке. Еще бы! Ведь речь шла не о ком-нибудь постороннем, а об ее единственном сыночке, кровинке, сиротке, лишившемся отца на четвертом году жизни. А Васенька был только муж, с которым она и успела прожить всего-то четыре годочка.

- И ищю скажу. Гневайся не гневайся, - продолжала утешивать Милушка, - Женюшке бы родиться парнишкой-то, а Витеньке девчонкой. Он ликом больше подходит. Ваш он. Ваш. Ярыгин. А Женюшка - истовая Володиха. Вся в твою свекровь, царствие ей небесное. И лоб Володихин, и губы. Истовая Володиха. Лопни мои глазыньки.

Мать ворковала от расправившей ее гордости за свой ярыгинский род, хотя любила покойницу-свекровь горячо, искренне за ее необыкновенную доброту и ум, да так, что всегда называла «мамынька».

- Эх, Тонюшка, - приступала к главному старуха, - нет ли пожевать чего у тебя? Брюхо урчит... Маковой росинки с утра во рту не было.

Мать доставала из еще не остывшей русской печи остатки щей и давала Милушке персональную деревянную ложку с отколовшимися краями, купленную когда-то на алатырском базаре.

- Садись, Лексевна, - говорила мать, - поешь. Вон и молоко есть. Я лалуйки нынче пекла. Да что-то они не больно вышли. То ли мука, то ли рано вынула - торопились.

- У сестричьи была, - продолжала Милушка, наевшись и торопливо перекрестив рот, - чай пила. Два стакана выпила. А сахару-то она тока полкомышка отколола. И как это она так умет?... Пей, говорит, ищю. А я не стала. Нечего кишки-то полоскать. Нет, думаю, играй назад. Пойду к Тонюшке. У ней хоть поем чево-нибудь. Скупа она, сестричьи-то. Ох, скупа, Милушки мои. Бывало пирог испекет - тонкий, как граматка. А кусок отрежет только на один хамок... Да. Растравишь кишки-то да уйдешь... А всего, слышь, у нее полно. Всего. То Феденька, сынок, из Симбирска привезет, то Женюшка да Иван Иваныч Фатев, зятек-то. Он, слышь, на базе продуктовой там начальником. Для детсадов и больниц продуктами заведывает. На Голубковском, слышь, база-то. И Феденька у ней на «деле» - инспектором по маслу и сыру служит. Целый куст у него в веденье, а подчиняется, слышь, Самаре. Перед Феденькой-то, милушки мои, начальники шапки ломают.

- Да, живут, - вторила Милушке мать, - что им. Партейные. Повезло. И Федор уцелел на войне-то, и зять у твоей сестричьи. Иван Иваныч Фатев, хоть и без ноги припрыгал, а все одно повезло. Наши-то все там головы сложили: и Вася, и брат мой Лексей, и Виктор. Несчастнее нас, чать, во всей Слободе никого нет. Разве Настя Литина - похоронку в один день на обеих сынов получила...

По молодости лет я не знал, кто и когда Анне Алексеевне Воронковой дал прозвище «милушка», да еще с добавлением «золотые ляжки». Но так звали ее только чужие, свои же - Лексевна. Жила она недалеко от нас в «барском» переулке, в крохотной конуре, напичканной клопами. Когда я спросил у матери, кто она нам, почти не вылезавшая от нас и говорившая нам ласковые слова, мать скупо бросила:

- По отцу она вам. Седьмая вода на десятом киселе. А мне и вовсе никто. Нет у ней никого. Мы да тетя Надя Воронкова - сестричьи. Мужья-то их родные братья были.

Мать не любила моих приставаний, но все же мне удалось узнать, что некогда Лексевна «жила богато». Их просторный дом под железной крышей с водосточными трубами, палисадником и огромным садом стоял в красивом месте - прямо напротив ключика - и сгорел дотла во время пожара, полыхавшего в Барышской Слободе задолго до моего появления на свет. Муж ее, Панюшка, до революции ходил водоливом по Волге у нижегородского купца Башкирова и, скопив денег, выстроил с помощью отца и братьев этот красавец-дом. На барже по молодости лет плавала с ним и Анна Алексеевна. Были у них две дочери и сыночек.

...Страшный тиф унес в могилу всех, пощадив только Милушку. И осталась она одна-одиношенька на всем белом свете. Злые люди говорили, что у нее где-то зарыто золото. Она и не отрицала, говоря, что золото ее - Панюшка и детки, зарытые на сельском кладбище. Советская власть разрешила ей, как одиноличнице, владеть двумя сотками земли. Тем она и жила, засаживая их картошкой, луком, свеклой и тыквой. Никакого пособия она не имела и могла видеть советские деньги, только продав иногда мешок картошки многодетным бедолагам.

...Это была довольно высокая, сухощавая, лет за семьдесят старуха, веселая, говорливая, с лицом, напоминавшим печеное яблоко, и

широким носом. Кашляла и хрипела она давно и частенько говорила о смерти, но как-то между делом и равнодушно. И хотя говорила матери, что не заразная, однако велела завести для нее отдельную посуду, а мне целовала только ручки, приговаривая «нацененный ты мой». Старушка она была чистенькая - еженедельно мылась в нашей бане и там же стирала одежду. Знала она всех и вся. И, по определению ее конкурента, сельского законника слепого Вольнова, была «сарафанным радио».

Придет, бывало, зимним вечером, высыпет из необъятного кармана юбки горсть тощих некаленых тыквенных семечек, отдышится и начинает:

- Ну, Тонюшка, была я у кумыньки Марьи Усачевой. Трудна девка-то у ней. Ой, трудна! Губищи выворочены, глазки поросыачьи, а правый к переносице косит. Никто не возьмет. Ей пра. Лопни мои глазыньки.

- Страх благая, - поддакивала мать, гремя чугунами, - не люблю я благих-то, ну их тут.

- Да и то сказать, - продолжала вдохновенная Милушка, - не в ково. Посыкнулась, было, Марья свалить ее за Тома Осина. Да не тут-то было. Играй назад. Он хоть и глуповат, а скандал закатил. Сиди теперь в девках-то.

- Том и так уж, чай, последний парень в Слободе, - потрафляла Милушке мать.

- Прямо дело, - подхватывала Милушка, - глуповат он. Глуповат, а дотумкал. Ковырнула, скажывай, она от него. На сенокосе, слышь, он ее использовал... Да! Вековухой при Марье останется. Пра ей богу.

Напившись чаю с тыквенной курагой, посыпанной сахарным песком, Милушка, чувствуя благоприятное расположение матери, продолжала:

- Дозналась я, Тонюшка. Дозналась. Зинка-то Лещинина вот-вот родит от Петьки Жирного. Пра ей богу. Лопни мои глазыньки. И чем она токо думат. Страхи божьи. У него в Лаве, слышь, пятеро детей. Мужичонка - плевкок. Кожа да кости. А Зинка-то раскрасавица, не наглядывайся. Так нет, милушки, уцепилась за него, «Петя мой», тыфу ей богу. Грязный, носастый. Всех грязней из трактористов-та.

- Где их возьмешь, хороших-то, - заступалась за Зинку мать, - хорошие там полегли. Сейчас и косой, и горбатый - все в ходу. До войны никто бы не глянул. Чай не нарощно поют: «Ох, война, война, война, как ты баб обидела, заставила полюбить, ково ненавидела».

- Каке страхи-то, Тонюшка, пошли, - не унималась Милушка, - петушины права, пра ей богу, настали. Конец света. Дуня-то, Зинкина мать, прогнала ее. А она с Петей Жирным в бане теперь открыто живет. Мало ей, дурище, девчонки-та от Мишки Курнева. Рожу, грит, Пете мому сыну. Для связи.

...Временами мать сердилась на Милушку:

- Делать нечего тебе. Ходишь по всем... Тут вот дхнуть неколи. То за соломой в поле, то в лес за дровами. Загоняли нас, вдов-то. Бригадир пугат. Минимум не выработашь - судить будем. Вертись тут. Дома делов прорва. Дети как кутята. Чугуны да скотина. Я вон стрелки часов вперед перевела. Очкунь ночью - шестой час. Кидаясь печь разжигать, а на деле-то пятый тока. Так и успеваю.

- Ну, ругай, ругай, Тонюшка. Вижу, вижу - устала ты. Не до меня тебе. Знаю, знаю. Плесни молочка мне, я и уйду. Вся радость у тебя Витенька. Вырастет - помощник будет. Вон он крепенький какой. Вырастет, милая. Вырастет. Попомни мое слово.

Мать наливала молока в ее бутылку - диковинный зеленый полуштоф, чудом уцелевший от старого режима. Лексевна закрывала его бумажной затычкой и уходила. Не умея долго сердиться, мать уже на следующий день говорила, что зря обидела старуху, осердилась, наверно, и не идет.

А Милушка и не думала сердиться и, явившись в очередной раз, едва отдышавшись, начинала:

- Думала я, думала, Тонюшка, и надумала вот што. Как хочит Витенька семилетку-то, отдай-ка ты его в гребцы к Лександре Иванычу Литину. Четыреста рубликов получить будет. Шутка ли? Пра ей богу. Лександра-то Иваныч как-никак кресный Васеньке твому. В четырнадцатом годе, как сечас помню, крестили. Володиха-то ему рубль давала. Серебряный. Развязала из платочка-та, чай, последний. Не взял Лександра Иваныч-то. Не взял. Лопни мои глазыньки. Даром, что молод был, а греха на душу не принял. Пожалел солдатку-то, вроде чуял, что вдовой будет. Вот как дело-то было. Господь посла и наградил ево за это - живой с ерманской войны пришел. Живой. Хоть и покалеченный.

До меня уже тогда доходили слухи, что Александр Иванович Литин, единоличник, не пожелавший вступать в колхоз, - человек для меня загадочный, а для сельских властей подозрительный и притесняемый ими. Служил он на реке Сура путейским рабочим, зажигал вечером огни бакенов, а днем ставил вешки, промерял дно и обслуживал створы на берегу. Порой мне очень хотелось прокатиться на его казенной, всегда блестящей свежей краской лодке с таинственной аббревиатурой на бортах - ВГРП, ВБУП (Волжское грузовое речное пароходство, Волжское бассейновое управление пути).

...Поздними зимними вечерами, когда парни и девки с визгом и припевками под гармошку возвращались домой мимо окон нашего дома, а Том Осин выдавал: «Лучше баня бы сгорела, нечем милка родила», Милушка уходила от нас.

А в следующий вечер снова появлялась, внося своими разговорами разнообразие в наш не очень веселый быт. Я с нетерпением ждал ее, чтобы слушать очередные байки.

...Вот приходит она румяная с мороза, снимает шапку, развязывает свой шлык и, уняв клокотание в большой груди, начинает:

- Ну, Тонюшка, была я у Полинки Самочковой. Новость-то вот какую узнала, милушки мои: в сельмаге ревизия была. Из Промзина, слышь, приезжали. Недостачу нашли. У Клябки Буреновой - «разнесено рыло». Тошно ей было на ферме-то работать, коров доить. Изнежилась, видать, на войне-то. Верка вон, Коленина, погибла под Сталинградом, царствие ей небесное... А у Клябки рыло разнесло, хоть прикуривай. Ладно бы рыло. Мальчишка на войне добилась. Ублюдка привезла. Кому война - кому мать родна. Пра ей богу. Говорили ей, не суйся в магазин-та. Куды там. «Я грамотна, в Ерманьи была». А теперь - играй назад. Три тыщи нахлопали. Веди отец корову со двора... Вот те и Ерманья.

- Не больно кому охота в колхозе-то вайкать. Это нам, вдовам, некуда деваться. Никто не заступится. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», - откликнулась мать на монолог Милушки. - Мож, Клябке-то брат пособит. Литенант. В Ерманьи служит. Щец-то налить? Тока оне у меня со свиной, а пост вроде.

- Плесни, Тонюшка. Плесни половничек. Бог милостив. Грехов и так через край. Все одно в смоле кипеть за язык-то.

...Лето 1950 года я проплавал на барже по Волге. Взяла меня туда тетя, родная сестра мамы. И когда в августе вернулся, Анна Алексеевна учинила мне, тринадцатилетнему, экзамен:

- Ну, Витенька, скажи-ка мне, на какой стороне стоит «Ярославль-городок от Москвы уголок»? На горной или на луговой?

- На горной, - уверенно отвечал я.

- А Кострома?

- На луговой.

- А Казань?

- На луговой.

- А Симбирск?

- На горной.

Таким образом прогнав меня чуть ли не до Астрахани и убедившись, что я нигде не сбился, она радостно воскликнула:

- Был! Был ты на Волге! Истинный бог, был! Лопни мои глазыньки

...Прошло несколько лет. В гребцы я не попал, а с первых отпускных, приехав с Урала, привез Анне Алексеевне Воронковой полушало, но опоздал: перед моим приездом мать похоронила ее. Перед смертью Анна Алексеевна отдала ей единственную ценность - старинный никелированный самовар с медалями, на лицевой стороне которого красовалась четкая выбитая надпись: «Поставщик Двора Его Императорского Величества Наследник И.Г.Баташева, В.И.Баташев, в Туль, 1895 г.»

ВОЗРОЖДЕНИЕ. Литературный клуб «ОРИОН»

По древним преданиям, созвездие Орион самым благодатным образом отразилось на жизни человечества. Этот небесный четырехугольник, перепоясанный тремя звездами, явил на Землю Архангелов, которые, по воле Бога, вдохнули разум и творческое начало в людей. Человек стал сотворцем Вседержителя.

В конце 80-х годов прошлого столетия общество прозаиков и поэтов на ДААЗе, которое родилось при газете «Австроитель», решено было назвать литературным клубом «Орион».

Газета тогда определялась как «орган администрации, парткома, профкома и комитета ВЛКСМ ДААЗа» и поддерживалась Производственным советом. Завод (тогда численностью 16 тыс. человек) был настоящим градообразующим предприятием, в котором поощрялись коллективизм, здоровые амбиции, деловой тонус и оптимизм. В подразделениях завода проводилось много праздников, где находило место и творчество заводчан. В народном музее трудовой славы ДААЗа проводились литературные встречи клуба «Орион» с читателями. И «Австроитель» отражал этот настрой. Рабочие и инженеры делились с читателями не только своими мыслями о производстве, о его развитии, но и литературным даром, который органично вписывался в страницы той заводской газеты. В палитре ее материалов находили достойное место произведения многих заводчан: миниатюры Валентины Болотовой и Татьяны Барышевой, стихи Татьяны Смирновой, Дмитрия Лескина, Валерия Гордеева, Якова Мулярчика, Валентины Башмачниковой, Татьяны Кувшиновой, Павла Спиченкова, Альбины Сафроновой, Елизаветы Парфеновой, Якова и Виктора Рогачевых... В «Австроителе» публиковались и ранние произведения известных сегодня в городе и области литераторов Лидии Степановой, Валентина Манухина, Анатолия Хоря, Евгения Ларина, Василия Коробкова, Александры Беловой.

Но в перестроечный период постепенно снизился общественный оптимизм, уменьшился и разделился на «ОООшки» завод, сменился статус газеты, одни энтузиасты клуба «Орион» ушли на пенсию, «иных уж нет, а те далече», а кому-то и вовсе дали понять, что творчество не попадает в постперестроечный формат заводского еженедельника. И «Ориона» не стало.

Но сегодня можно сказать: «Здравствуй, племя молодое!.. И в добрый час!» Творчество в России в самые трудные времена скорее набирало высоту, а не снижало. Это было всегда. Пишущая молодежь ДААЗа и знакомые по публикациям люди старшего поколения решили возродить литературный клуб «Орион», но уже при заводской газете «Вестник Профсоюза».

И 13 апреля в молодежном театре нового времени «Сфера» состоялось первое собрание клуба. Литераторы делились с коллегами взглядами на жизнь и надеждами на стезю в литературе. На театральной сцене в этот вечер читали свои стихи ветераны и нынешние работники даазовской промплощадки Александра Белова, Александр Громогласов, Мария Бите, Ольга Ягушева и Юрий Шерстнев. Прозвучали произведения Валентина Манухина, Елены Чимбарцевой, Татьяны Балаховой и Анатолия Хоря. Подлинным украшением вечера стало выступление художественного руководителя театра «Сфера» и поэта Владимира Кононова, трудовая биография которого тоже начиналась на ДААЗе.

Возрождение «Ориона» проходило в звучании гражданско-лирических строф. Рабочая муза то окрыляла поэтов на шутки, то пробирала до мурашек, то плыла по волнам любви, помогая дышать стихами, побуждая на откровения, вселяя надежду...

На ближайшем собрании писательской организации «Слово» будут рекомендованы к вступлению в городское литературное сообщество члены литературного клуба «Орион»: Валентина Болотова, Мария Бите, Ольга Ягушева, Александр Громогласов, Денис Гнатух и Владимир Кононов (худрук молодежного театра, соратник и участник многих писательских проектов в Димитровграде, возглавлявший в свое время Клуб молодых литераторов «Глагол», тоже решил вступить в нашу писательскую организацию и высказался за дальнейшее творческое содружество «Слова» и «Сферы»).